

Разрыв родства

Тем временем в доме старшей ветви семьи Лю.

Лю Сяомэй с тревогой смотрела на Ся гэра, который лежал на кровати с закрытыми глазами и что-то бессвязно бормотал.

— Дедушка Лян, как Ся гэр?

Лекарь Лян убрал свой ящик с лекарствами и ответил:

— Ничего серьёзного, просто сильно испугался. Его нужно успокоить и утешить. Ся гэр ещё мал — если не заняться этим как следует, это может сказаться на его разуме.

Сказаться на разуме?

Лю Сяомэй застыла.

Она вспомнила одного дурачка из деревни Шанхэ: в детстве он тоже сильно испугался. Родители не придали этому значения, а когда опомнились — было уже поздно. Неужели и с Ся гэром...

Лекарь Лян догадался, о чём думает девочка, и поспешил её успокоить:

— Не так страшно, как ты себе вообразила. Разве что станет тише или робее прежнего.

Лю Сяомэй похлопала себя по груди и с облегчением выдохнула:

— Дедушка Лян, вы меня напугали.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, — шестая тётушка Ян тоже перевела дух и похлопала Лю Сяомэй по плечу. — Линчжи, побудь дома с Ся гэром. Я провожу лекаря Ляна.

— Спасибо, тётушка. — Глаза Лю Сяомэй покраснели. — Мой зять ещё не вернулся. Если встретите его по дороге, скажите, чтобы скорее шёл домой.

— Хорошо.

— Дядя... Ся гэр хочет к дяде... у-у-у...

Едва они вышли со двора, как Ся гэр проснулся. Не увидев Сун Тинчжу, малыш тут же разрыдался, крепко вцепившись в край одеяла.

Лю Сяомэй испугалась за его горло и поспешно стала утешать:

— Не плачь, Ся гэр. Зять скоро вернётся.

Не успела она договорить, как от двери раздался голос Сун Тинчжу:

— Сяомэй, Ся гэр.

Лицо Лю Сяомэй сразу просияло.

— Зять!

Ся гэр увидел, что Сун Тинчжу вернулся, поднял заплаканное личико и протянул к нему руки.

— Дядя...

Сун Тинчжу быстро подошёл к кровати и наклонился, поднимая малыша на руки.

— Дядя здесь.

Маленькие ручки вцепились в его одежду, лицо прижалось к шее Сун Тинчжу, и ребёнок сквозь слёзы проговорил:

— У-у-у... Ся гэр не врун. Дядя... не ненавишь Ся гэра, ладно?

Сун Тинчжу мягко погладил его по волосам и тихо сказал:

— Как я могу ненавидеть такого хорошего мальчика, как Ся гэр? Дядя знает: врал не ты, а Лю Цзе с братом и сестрой.

Он достал из-за пазухи серебро и ласково спросил:

— Ся гэр, знаешь, что это?

Малыш, всё ещё прижимаясь к нему, чуть поднял подбородок. Лоб его лежал на плече Сун Тинчжу, весь вид выражал доверчивую зависимость.

— Серебро, — тихо ответил он.

Сун Тинчжу улыбнулся:

— Это дядя добыл для тебя обратно.

Ся гэр моргнул:

— Для Ся гэра?

— Да. Дядя уже наказал тех, кто тебя обидел, — сказал Сун Тинчжу, принимая от Лю Сяомэй платок и вытирая заплаканное личико малыша. — Если снова встретишь людей из западного двора и не сможешь от них уйти — возвращайся домой и ищи дядю. Дядя тебя защитит.

Услышав это, Ся гэр с грозным видом поднял маленький кулачок:

— Дядя поможет Ся гэру побить их!

Сун Тинчжу усмехнулся и согласился:

— Хорошо.

Ранее в западном дворе он не только выбил обратно полляна серебра, но и, будто случайно споткнувшись, проучил Лю Цзе. Всего пять лет, а мальчишка уже перенял колючий и злобный нрав старой госпожи Лю. Если его не направить вовремя, в будущем непременно натворит бед.

Но теперь, когда обе семьи окончательно разорвали отношения, судьба людей из западного двора его больше не касалась.

Уговорив Ся гэра выпить лекарство, Сун Тинчжу держал его на руках, пока тот не уснул, и

лишь потом занялся другими делами.

Ближе к полудню Жуань Сюлянь с невесткой вернулись с удобрения полей и, услышав обо всём, пришли в ярость.

Тан Чуньсин и вовсе так рассердилась, что схватила топорик и собралась идти в западный двор разбираться за младшего сына, но Лю Сяомэй остановила её.

— Старшая невестка, успокойся. Зять уже отомстил за Ся гэра. Он не только выбил обратно поляна серебра, но и проучил Лю Цзе. А бабка при всех заявила, что разрывает с нами родство, даже бумагу об этом написала. Нам больше не придётся содержать их в старости.

Жуань Сюлянь потрясённо сказала:

— Что? Эта старая ведьма и правда согласилась разорвать с нами родство?

Тан Чуньсин тоже на миг онемела, а потом спросила у Лю Сяомэй:

— Это сделал Чжу гэр?

Лю Сяомэй с жаром закивала:

— Да! Зять просто невероятный. Как только бабка услышала, что это может повлиять на будущее Лю Юйшу, сразу захотела порвать с нами отношения и ещё сказала, что когда Лю Юйшу станет учёным, нам не достанется никакой выгоды.

Жуань Сюлянь презрительно фыркнула:

— Да кому нужна их выгода? Хоть учёный, хоть первый на экзаменах — я и не подумаю перед ними заискивать.

Вспоминая, как когда-то эта старуха едва не погубила двух её сыновей, Жуань Сюлянь знала: в этой жизни она перед ней головы не склонит.

Тан Чуньсин добавила:

— Надо было давно разорвать отношения. Столько лет отец каждый раз давал им деньги, стоило им начать плакаться на учёбу Лю Юйшу. Да ещё ежемесячное содержание стариков — сколько мы им отдали! А западный двор живёт припеваючи. Я слышала, Лю Цзе хвастается, что съедает по два яйца в день, а наш Ся гэр и одного не видит. И Сяомэй — двенадцать лет, а выглядит на десять. Наши тяжёлые дни связаны с западным двором!

Тан Чуньсин обычно любила мелкую выгоду и была остра на язык, но в важных делах никогда не колебалась. Узнав, что за Ся гэра вступился именно её зять, она заметно смягчила своё отношение к Сун Тинчжу.

— А где зять? Почему его не видно?

Жуань Сюлянь тоже посмотрела на младшую дочь.

Лю Сяомэй ответила:

— Зять уложил Ся гэра спать, а сам устал и пошёл прилечь.

Жуань Сюлянь кивнула:

— Пусть ещё отдохнёт.

Тан Чуньсин сказала:

— Матушка, я сварю зятю кашу. Проснётся — поест.

Вот уж действительно, сегодня она заговорила совсем иначе.

Жуань Сюлянь бросила взгляд на старшую невестку и добавила:

— Свари побольше, разбей туда пару яиц. Ся гэру после такого испуга нужно подкрепиться.

Тан Чуньсин улыбнулась:

— Хорошо.

Сун Тинчжу проспал до самых сумерек, и только тогда семья поняла, что что-то неладно. Жуань Сюлянь вошла в западную комнату и увидела, что Сун Тинчжу лежит в постели, укутанный одеялом, с пылающим лицом.

— Ох беда, простудился! Сяомэй, беги к деревенским воротам за лекарем Ляном!

Тан Чуньсин тут же сказала:

— Сяомэй медлительная, я сама сбегаяю!

С этими словами она развернулась и выбежала со двора.

Через две четверти часа лекарь Лян, тяжело дыша и неся свой ящик с лекарствами, вошёл во двор семьи Лю. Осмотрев Сун Тинчжу, он погладил бороду и сказал:

— Ничего серьёзного, обычная простуда. Пару порций лекарства, немного покоя — и всё пройдёт.

Трое женщин только-только перевели дух, как он добавил:

— Однако муж Ху-цзы и без того слаб телом. То, что для других пустяковая хворь, для него может обернуться тяжёлой болезнью.

Семья снова встревожилась.

— Что же делать?

Лекарь Лян вновь погладил бороду и переменил тон:

— Но и слишком беспокоиться не стоит. Просто проболит подольше обычного, жизни ничто не угрожает.

Три женщины даже дышать боялись, ожидая новых дурных вестей. Лишь когда лекарь Лян закинул ящик за плечо и собрался уходить, у них наконец отлегло от сердца.

Сун Тинчжу болел больше месяца. Жизнь словно вернулась ко временам, когда он жил в Бамбуковом дворе: почти всё время проводил в постели и редко имел возможность выйти

наружу.

Разница была лишь в том, что теперь у него были книги, чтобы коротать время, а ещё Лю Сямэй, Ся гэр и Тянь Лэ, составлявшие ему компанию. Потому, хотя он и не покидал комнаты, душно ему не было.

Больше всего его удивляла старшая невестка Тан Чуньсин. За это время она вдруг резко переменилась: больше не говорила с ним язвительно и насмешливо. Напротив, часто приносила чай и воду с улыбкой, спрашивала, не хочет ли он пить или есть.

Сун Тинчжу догадывался, что всё это из-за Ся гэра, и был весьма доволен, считая, что сумел обратить ситуацию себе на пользу и расположить к себе невестку.

— Ах ты беда! Вся семья неблагодарная — от старого до малого! Даже на мои гробовые деньги зарятся! С такими гнилыми сердцами вас молнией бы поразило! Ой, неблагодарные, люди добрые, посмотрите...

Тянь Лэ вошёл в комнату с корзинкой для шитья и закатил глаза.

— Эта старая карга опять орёт перед вашим двором. Каждые несколько дней приходит и хоть бы устала.

Сун Тинчжу, прислонившись к изголовью, улыбнулся ему:

— Опять явилась.

Тянь Лэ плюхнулся у кровати и беспомощно сказал:

— Зять, тебе бы всё смеяться. По деревне уже говорят, что ты лисий дух, который вносит смуту в семью Лю.

Сун Тинчжу усмехнулся:

— А разве быть лисьим духом плохо? Живи себе хоть тысячу лет.

Тянь Лэ надул щёки от досады:

— Лисий дух — вовсе не похвала. Эта старуха пользуется тем, что ты болен и не можешь выйти, и распускает слухи. Тётушка с братом Ху-цзы её, конечно, одёргивали, но Лю Цуйхуа старая, её и не ударишь. А угрозы её не пугают.

Видя, что Сун Тинчжу всё так же улыбается и ничуть не сердится, Тянь Лэ едва не захотел встряхнуть его как следует.

Сун Тинчжу не спеша допил чай и только потом сказал:

— Не волнуйся. У меня есть способ справиться со старой госпожой Лю.

Тянь Лэ тут же придвинулся ближе:

— Правда? Какой?

Сун Тинчжу ответил:

— Для Лю Цуйэ дороже всего будущее её внука Лю Юйшу, а ещё она верит в духов и богов. Сейчас как раз время детских экзаменов. Этим и воспользуемся, чтобы отвлечь её.

Тянь Лэ хлопнул в ладоши:

— Зять, ты умён! Лю Юйшу для неё как жизнь. Стоит услышать хоть слово дурное о внуке — она три дня будет бесноваться.

Он хитро ухмыльнулся:

— Зять, предоставь это мне. Я всё устрою как надо~

Зная, что Тянь Лэ человек рассудительный, Сун Тинчжу кивнул.

— Кстати, как продвигается дело с чертежами?

— Никак...

Только что оживлённый и весёлый парень тут же сник и помрачнел.

— Я уже чуть не до дыр их затёр, а всё равно ничего не понимаю. Кажется, думаю совсем не в ту сторону. Если завтра не выйдет, попробую иначе.

Сун Тинчжу подбодрил его:

— Не переживай. Я верю, что у тебя получится.

Тянь Лэ опустил голову и уныло сказал:

— Только ты так говоришь. Мать твердит, что из меня ничего не выйдет, уже комплекс появился.

Но Тянь Лэ по натуре был человеком жизнерадостным и быстро пришёл в себя без всяких утешений.

Он выпрямился, упёр руки в бока и заявил:

— Ничего страшного! Вот добьюсь чего-нибудь великого — тогда мать увидит, какой у неё способный сын!

Воодушевлённый уверенностью Лэ гэра, Сун Тинчжу тоже невольно почувствовал надежду.

Тянь Лэ пробыл с ним до полудня и ушёл, прихватив недошитую вышивку, ещё до того, как семья Лю вернулась с полей.

Лю Сяомэй готовила на кухне, а Ся гэр помогал подбрасывать дрова в очаг. Время от времени малыш украдкой поглядывал на Сун Тинчжу, боясь, как бы тот снова тайком не встал с постели.

Дядя сказал, что ему можно вставать только на четверть часа в день — ни минутой больше!

Дверь толкнули маленькие ручки, и в щёлку просунулась кругленькая головка.

Сун Тинчжу увидел это, беззвучно улыбнулся и поманил к себе малыша, из-за двери которого

были видны лишь миндалевидные глазки.

— Иди сюда.

Глаза Ся гэра сразу загорелись. Он подбежал, прижался к кровати и с улыбкой позвал:

— Дядя.

Сун Тинчжу ущипнул его за мягкую щёчку и с улыбкой спросил:

— Помогаешь своей маленькой тётушке готовить?

— Угу~

— Молодец. У дяди есть сладости. Хочет Ся гэр?

Ся гэр настороженно посмотрел на него.

Несколько дней назад дядя уже обманул его таким образом, а потом его же за это и отругали.

Вспомнив тот случай, малыш тут же спрятал руки за спину и надул губы.

Увидев это, Сун Тинчжу едва сдержал смех.

— На этот раз я тебя не обманываю. Дядя больше не будет тайком вставать с постели.

Малыш явно не поверил и нахмурился:

— Правда? Ты не врёшь Ся гэру?

— Правда. — Сун Тинчжу с улыбкой легонько постучал пальцем по его лбу.

Только тогда Ся гэр успокоился и снова заулыбался:

— Спасибо, дядя~

Сун Тинчжу погладил его по голове и невольно усмехнулся.

Причёску малышу сделал он сам. В последнее время Ся гэр всё время лип к нему и почти каждый день просил уложить ему волосы. Домашним это казалось забавным, но стоило выйти наружу — все начинали смеяться.

Услышав об этом от Сяомэй, Сун Тинчжу специально потренировался. Пусть мастерства ему ещё не хватало — причёска держалась лишь бы не развалиться, но выглядела уже сносно.

И даже этого малышу было достаточно для счастья.

Напив Ся гэра половиной пиалы чая, Сун Тинчжу вложил ему в ладонь ещё несколько конфет.

— Возьми и поделись со своей маленькой тётушкой.

— Хорошо!

С этими словами малыш соскользнул с кровати и, перебирая коротенькими ножками, убежал.

Стояла ранняя весна. Небо было ясным, погода тёплой, трава уже зеленела. Наступило и время, когда пшеницу нужно было удобрять и поливать.

Земли у семьи Лю было немного, но и её полив занял несколько дней. Рабочих рук не хватало, и Жуань Сюлянь, её невестка и Лю Дашэн трудились три дня, прежде чем всё закончить.

Чтобы восстановить силы домашних, Лю Сяомэй в эти дни готовила богаче обычного.

Тан Чуньсин с мотыгой на плече вошла во двор и, уловив аромат жареных яичных побегов, сглотнула слюну.

— Ой, Сяомэй, опять жарить яйца с зеленью?

Лю Сяомэй высунулась из кухни.

— Ещё поджарила ломтики сала и поставила вариться грубый рис.

— Вот это пир!

Не только Тан Чуньсин — даже Жуань Сюлянь с мужем невольно сглотнули.

В западной комнате Сун Тинчжу слушал разговоры снаружи, крепко сжав губы.

Чтобы платить за его лечение, семья затянула пояса потуже. Ещё пришлось отдать деньги за полив полей. У матушки, вероятно, почти ничего не осталось. Летом придётся платить разные налоги: за восемь человек семьи Лю выйдет не меньше одного лян серебра. Тогда им снова придётся кланяться соседям и занимать деньги, чтобы свести концы с концами.

Сун Тинчжу задумался.

Зарабатывать деньги нужно было срочно. Надо как можно скорее обсудить это с мужем.

<http://bllate.org/book/17218/1616323>